



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

КОРОБОВ ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 39598/03)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 июля 2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Может подвергаться редакторской правке.

По делу «Коробов против Украины»,
Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая в составе:

Dean Spielmann, *Председатель*,
Elisabet Fura,
Boštjan M. Zupančič,
Isabelle Berro-Lefèvre,
Ann Power,
Ganna Yudkivska,
Angelika Nußberger, *судьи*,

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции*,

Рассмотрев дело в закрытом заседании 14 июня 2011 года,
Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 39598/03) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины, г-ном Игорем Викторовичем Коробовым (далее – «заявитель»), 2 ноября 2003 года.

2. Заявителя представлял г-н В. И. Довженко, адвокат, практикующий в Мариуполе, Украина. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный, г-н Ю. Зайцев, Министерство юстиции.

3. Заявитель утверждал, в частности, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, и что расследование этих событий не было эффективным. Он также утверждал, что при рассмотрении его уголовного дела Верховным Судом Украины был нарушен принцип равенства сторон, так как его кассационная жалоба рассматривалась в присутствии прокурора, но в отсутствие его адвоката и его самого.

4. 15 октября 2008 года Председатель Пятой секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1968 году и проживает в Мариуполе.

А. Уголовное производство против заявителя; его арест и заявленное жестокое обращение со стороны сотрудников милиции

6. По словам заявителя, 25 декабря 1999 года он одолжил 3400 долларов США (USD) г-ну С. Последний погасил часть своего долга и договорился встретиться с заявителем 18 апреля 2000 года, чтобы отдать остальную сумму, которая, по словам заявителя, составляла 2030 USD.

7. 11 апреля 2000 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по жалобе С. о том, что заявитель вымогал у него деньги.

8. 18 апреля 2000 года, около 15-16 часов, во время встречи заявителя с С., заявитель был задержан сотрудниками милиции Мариупольского ОБОП УБОП УМВД Украины и доставлен в отделение милиции. Двое прохожих, Б. и Бо. в тот же день дали начальнику Мариупольского отдела по борьбе с организованной преступностью письменные показания, что заявитель разговаривал с С. и Ф. (сестрой С.) на улице, когда прибыли сотрудники милиции и предложили ему следовать за ними. Заявитель пытался убежать и выбросить что-то из кармана. Милиционеры пытались остановить заявителя, но он сопротивлялся, ругал милиционеров и угрожал им. На него надели наручники, «с трудом» посадили в машину Б. и доставили в полицейский участок. У заявителя были изъяты 1500 USD и некоторые личные вещи. В протоколе ареста заявителя было указано, что заявитель был арестован в 21:00 по подозрению в совершении преступления, потому что в противном случае он мог скрыться.

9. По словам заявителя, с 15 часов до 21 часа 18 апреля, а также 26 апреля 2000 года его избивали в милиции и пытали электрическим током.

10. 21 апреля 2000 года прокурор Мариуполя санкционировал предварительное содержание заявителя под стражей на том основании, что он «совершил тяжкое преступление и может скрыться или препятствовать отправлению правосудия». Заявитель, который был допрошен в тот же день, утверждал, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции. После этих жалоб следователь распорядился о проведении судебно-медицинской экспертизы заявителя (см. пункт 19).

11. К августу 2000 года предварительное расследование в отношении обвинений, выдвинутых против заявителя, было завершено, и дело было передано в суд. По словам заявителя, во время рассмотрения его дела судом, двадцать одно судебное слушание было отложено из-за неявки потерпевшего.

12. 15 апреля 2002 года суд Приморского района Мариуполя приговорил заявителя к трем годам лишения свободы с отсрочкой на два года за угрозу физического насилия с целью обеспечения погашения долга. В частности, было установлено, что заявитель угрожал С., и что 2 февраля 2000 года заявитель, вместе с неизвестными сообщниками, избил С., что подтверждается медицинской экспертизой С.

13. Заявитель представил выдержки из материалов судебных слушаний по его уголовному делу. На отдельной странице без даты отмечается, что офицер полиции Р. свидетельствовал в суде, что у заявителя был ушиб почки и перелом двух ребер. Свидетели Ш. и Ши. показали, что они были свидетелями ареста заявителя, что на него надели наручники и посадили в машину, но никто его не избивал.

14. 23 мая 2003 года Донецкий апелляционный суд оставил в силе приговор в отношении заявителя от 15 апреля 2002 года.

15. 13 января 2004 года Верховный Суд Украины отклонил ходатайство заявителя о разрешении обжаловать приговор в кассационном порядке. По словам заявителя, он не был информирован о дате слушания. Ни заявитель, ни его адвокат не присутствовали на слушании, в отличие от прокурора, который был заслушан судьей. Заявитель получил копию этого решения только 14 апреля 2004 года.

В. Расследование жалоб на жестокое обращение с заявителем

16. 19 апреля 2000 года заявитель был доставлен в Мариупольскую городскую больницу скорой медицинской помощи. При осмотре было выявлено, что у заявителя имеются ушибы спины и левой стороны груди, а также ушиб почек и гематурия (красные кровяные клетки в моче).

17. 24 апреля 2000 года мать заявителя подала в прокуратуру запрос о возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции, которые подвергли ее сына жестокому обращению.

18. В тот же день заявитель был помещен в следственный изолятор № 7 г. Мариуполя (далее – «СИЗО»). По прибытии он жаловался на головную боль и трудности с мочеиспусканием и дыханием. Он был осмотрен врачом СИЗО, который нашел у заявителя гематурию и обширную гематому на груди.

19. 5 мая 2000 года судебно-медицинская экспертиза установила, что заявитель получил легкие телесные повреждения, включая многочисленные ушибы на груди, на правой стороне спины и на бедрах. Эксперт сделал вывод, что эти ушибы могли быть получены 18 апреля 2000 года вследствие ударов кулаком и ногами, либо падения заявителя. Что касается переломов двух ребер, эксперт отметил, что на рентгеновском снимке от 19 апреля 2000 было видно, что у заявителя

консолидированный перелом двух ребер. Таким образом, эта травма не была принята во внимание, поскольку она была получена до 18 апреля 2000 года.

20. 27 мая 2000 года начальник Мариупольского отдела по борьбе с организованной преступностью попросил Мариупольскую больницу скорой помощи города предоставить ему рентгеновские снимки ребер заявителя. По словам заявителя, эти рентгеновские снимки были впоследствии утеряны в милиции.

21. 10 мая 2000 года, рассмотрев жалобу матери заявителя, прокуратура Донецкой области (далее – «областная прокуратура») отказалась возбудить уголовное дело в отношении сотрудников милиции. Представители прокуратуры заявили, что во время ареста 18 апреля 2000 года заявитель не подчинялся приказам милиции, ругался и пытался бежать, и поэтому сотрудники милиции были вынуждены применить к заявителю боевые приемы. С., который был допрошен в ходе расследования, показал, что 18 апреля 2000 года он подрался с заявителем, что сотрудники милиции прибыли и применили силу в отношении заявителя, и что заявитель упал на забор, но «в конце концов был доставлен в отделение милиции».

22. 19 и 20 мая 2000 года заявителя осмотрел врач СИЗО. Заявитель жаловался на боли в спине, боли в сердце, головную боль и гематурию. Его диагноз был таким же, что и по прибытии в СИЗО, и ему был назначен противовоспалительный препарат.

23. 10 октября и 15 ноября 2000 года заявитель был вновь осмотрен врачом СИЗО, и ему был поставлен диагноз острый посттравматический левосторонний пиелонефрит.

24. 17 ноября 2000 года заявитель был освобожден из СИЗО. 24 ноября 2000 года он был госпитализирован в Азовскую центральную бассейновую больницу на водном транспорте г. Мариуполя. Ему был поставлен диагноз посттравматическая деформация почек, возможный хронический нефрит и гематурия. В выписке из медицинской карты заявителя, предоставленной этой больницей, также отмечается, что в апреле 2000 года у заявителя были сломаны два ребра.

25. Заявитель находился в больнице до конца декабря 2000 года. 21 декабря 2000 года заявитель был переведен в нефрологическое отделение Донецкого областного клинического территориального медицинского объединения.

26. Заявитель жаловался, среди прочего, на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции и свое незаконное осуждение депутату Парламента В. В. перенаправил жалобу в Генеральную прокуратуру Украины. 11 марта 2001 года Генеральная прокуратура сообщила заявителю, что его жалоба была передана в Приморский районный суд Мариуполя, обладавший исключительной компетенцией рассматривать такие жалобы.

27. 14 марта 2001 года Приморский районный суд направил жалобу заявителя в областную прокуратуру, так как заявитель просил возбудить уголовное дело против определенных лиц, и областная прокуратура не могла решить этот вопрос. Кроме того, суд постановил, что рассмотрение жалоб заявителя не входит в его компетенцию.

28. 6 апреля 2001 года Донецкий областной суд, рассмотрев жалобу заявителя, отменил вышеуказанное решение областной прокуратуры от 10 мая 2000 года. Суд указал на необходимость расследовать жалобы заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции в отделении милиции, допросить ряд свидетелей (Б., Бо. сестру С. и сотрудника милиции, указанного заявителем) и провести дополнительную судебно-медицинскую экспертизу заявителя. Кроме того, суд отметил, что в ходе следствия не было установлено, как именно заявитель сопротивлялся сотрудникам милиции, и кто конкретно применял к нему боевые приемы.

29. В тот же день Генеральная прокуратура снова перенаправила жалобы заявителя, полученные от В. и из Секретариата Уполномоченного Верховной Рады по правам человека в Приморский районный суд для рассмотрения.

30. 27 апреля 2001 Приморский районный суд вернул жалобы заявителя в Генеральную прокуратуру по тем же причинам, что и ранее.

31. Тем не менее, 18 мая 2001 года Генеральная прокуратура направила жалобы заявителя обратно в суд, указав, что их рассмотрение не выходит за рамки исключительной компетенции суда.

32. 23 мая 2001 года областная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции в связи с отсутствием доказательств совершения преступления. Сотрудники полиции Р., М., П. и В. показали, что во время ареста заявитель вел себя очень агрессивно и оскорблял Ф. Заявитель получил три удара по лицу от С. и упал на землю. Чтобы арестовать заявителя, сотрудникам милиции пришлось применить боевые приемы, так как заявитель сопротивлялся, дрался ногами и не хотел садиться в машину. С. и Ф. также это подтвердили. В отделении милиции сила к заявителю не применялась. Прокурор также отметил, что, по данным судебно-медицинской экспертизы от 5 мая 2000 года, заявитель сломал себе ребра до 18 апреля 2000 года, и страдал заболеванием почек с 1994 года.

33. 29 октября 2001 года суд Ворошиловского района Донецка отменил решение от 23 мая 2001 года и направил материалы дела в областную прокуратуру для дополнительного расследования. Суд отметил, что областная прокуратура не выполнила указания Донецкого областного суда от 6 апреля 2001 года. В частности, свидетели Б. и Бо.

не были допрошены, и дополнительная судебно-медицинская экспертиза не проводилась.

34. С 7 по 26 декабря 2001 года заявитель проходил дальнейшее лечение в Азовской центральной бассейновой больнице. Ему был поставлен диагноз периодическая и продолжительная гематурия.

35. 12 июля 2002 года судебно-медицинская экспертиза установила, что на момент обследования заявитель имел легкие телесные повреждения: ушибы на правой стороне груди и спине, на правом бедре и на левом плече, небольшие царапины на запястьях и отек в области шестого и седьмого ребер. В экспертном отчете говорится, что такие повреждения могли быть нанесены во время ареста заявителя как при обстоятельствах, описанных сотрудниками милиции, так и при обстоятельствах, описанных заявителем. Было также отмечено, что результаты лабораторных исследований не подтвердили контузию почек. Тем не менее, ушиб спины мог вызвать временную (пять-семь дней), гематурию. В частности, у заявителя был ушиб нижней части спины, который мог бы привести к краткосрочной (пять-семь дней) контузии почки. В отсутствие рентгеновского снимка ребер заявителя, было также невозможно установить, были ли у заявителя сломаны ребра.

36. 2 августа 2002 года областная прокуратура отклонила жалобу заявителя о возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции в связи с отсутствием состава преступления. Прокурор сослался на результаты судебно-медицинских экспертиз от 5 мая 2000 года и 12 июля 2002 года. Что касается перелома двух ребер, было отмечено, что в неизвестный день заявитель прошел рентгеновское обследование в Мариупольской городской больнице скорой помощи, и обследование показало старый перелом двух ребер. Поскольку заявитель отказался объяснить происхождение этого перелома, был сделан вывод, что это произошло до 18 апреля 2000 года. Во время предварительного следствия С. показал, что он три раза ударил заявителя по голове и телу, потому что заявитель оскорбил его сестру. Заявитель упал на металлический забор. Позже заявитель оказал сопротивление сотрудникам милиции, которые затем применили к нему боевые приемы и надели на него наручники. Заявитель вырвался из рук милиционеров, но упал. Затем его посадили в автомобиль. Сотрудники милиции М., Р. и П. подтвердили эти заявления. Р. также показал, что С. бил заявителя, пока сотрудники милиции держали заявителя за руки. При посадке в машину заявитель также ударил по двери машины.

37. 29 января 2003 Ворошиловский районный суд отменил вышеуказанное решение и направил материалы дела в областную прокуратуру для дальнейшего расследования. Суд сослался на ранее сделанные выводы суда от 6 апреля 2001 года и 29 октября 2001 года и

подчеркнул неоднократное невыполнение следователем указания допросить свидетелей Б. и Бо. Суд также указал на противоречия в показаниях сотрудников милиции в отношении обстоятельств применения силы к заявителю и ударов, нанесенных С. В частности, суд указал на отсутствие каких-либо повреждений на голове заявителя, в то время как С. утверждал, что он трижды ударил заявителя по голове.

38. 24 марта 2003 года областная прокуратура снова отказала в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции и С., повторив те же аргументы, что и в своих предыдущих решениях. Кроме того, С. и Ф. утверждали, что, когда офицер полиции Р. показал заявителю свое милицейское удостоверение, заявитель выбил удостоверение из рук, бросился к С. и схватил его за горло, после чего С. несколько раз ударил заявителя. Таким образом, применение силы со стороны милиции и С. было оправданным.

39. 23 июня 2003 Ворошиловский районный суд отменил вышеуказанное решение и направил материалы дела в областную прокуратуру для дальнейшего расследования. Суд подтвердил свои выводы, приведенные в постановлении от 29 января 2003 года, и отметил, что прокурор не проверил, могли ли травмы быть нанесены в обстоятельствах, описанных заявителем, то есть в отделении милиции.

40. В период с 20 мая 2004 года по 27 июля 2005 областная прокуратура отказывала в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции еще три раза, пока в последний из указанных дней против сотрудников милиции Мариупольского отдела по борьбе с организованной преступностью не было, наконец, возбуждено уголовное дело за злоупотребление властью.

41. Тем не менее, 20 декабря 2005 года разбирательство в отношении сотрудников милиции было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

42. 15 марта 2006 года вышеуказанное решение было отменено областной прокуратурой. Областная прокуратура установила, что заявителю должен быть присвоен статус жертвы, его следует допросить и решить, необходима ли дополнительная судебно-медицинская экспертиза.

43. 10 июля 2006 года заявителю присвоили статус жертвы, и на следующий день он был допрошен.

44. 19 июля 2006 года старший следователь прокуратуры г. Мариуполя прекратил производство по делу за отсутствием события преступления.

45. 19 октября 2006 Жовтневый районный суд отменил вышеуказанное решение и направил дело на дополнительное расследование. Суд прямо отметил, что следует допросить сотрудника милиции П., что адвокат заявителя должен быть допущен к участию в

деле, и что необходимо прояснить несоответствия в показаниях свидетелей.

46. 6 декабря 2006 года прокуратура г. Мариуполя снова прекратила производство по делу за отсутствием события преступления.

47. 15 января 2007 года прокурор г. Мариуполя отменил вышеуказанное решение и направил дело на дополнительное расследование.

48. После отмены решения прокуратурой были произведены некоторые дополнительные следственные действия. Сотрудник милиции П. был допрошен повторно. Он показал, что он видел, как заявитель лежал на полу в кабинете сотрудника милиции Р. Р. не позволил П. войти в кабинет, так что он не видел точно, что там происходило. Между Ш., В. и сотрудниками милиции была проведена очная ставка (Ш. и В. были знакомыми заявителя, которые показали в ходе расследования уголовного дела заявителя, что они были свидетелями задержания заявителя милицией, но не видели, чтобы к нему применяли силу). В результате был сделан вывод, что «показания В. были опровергнуты». Проверить аналогичные показания Ши., другого свидетеля ареста заявителя, оказалось невозможным, так как ее местонахождение было неизвестно. Мать заявителя и сосед заявителя Ж., которые, как утверждается, были допрошены в начале расследования, заявили, что у заявителя не было никаких травм до 17 апреля 2000 года.

49. 9 апреля 2007 года прокуратура г. Мариуполя прекратила производство по делу за отсутствием события преступления. Прокурор сослался на предыдущие решения по делу, показания заявителя, сотрудников милиции и свидетелей, а также выводы судебно-медицинских экспертиз от 5 мая 2000 и 12 июля 2002 года. Было установлено, что во время ареста заявитель оказал сопротивление милиции. Сотрудники милиции показали, что заявитель ударил их и пытался бежать, поэтому они применили к нему силу и «буквально втащили его в микроавтобус». Поскольку заявитель также оскорбил Ф., ее брат С. несколько раз ударил заявителя, в результате чего он упал на металлический забор.

50. 6 мая 2008 года суд Жовтневого района г. Мариуполя оставил в силе вышеуказанное решение. Суд отметил противоречивые показания участников и очевидцев событий, но пришел к выводу, что телесные повреждения были нанесены заявителю С. и сотрудниками милиции при оказании им сопротивления аресту.

51. 2 июня 2008 года Донецкий областной апелляционный суд сослался на выводы Жовтневого районного суда и оставил в силе его решение.

52. 17 декабря 2008 года Верховный суд Украины отклонил ходатайство заявителя о разрешении на обжалование в кассационном порядке.

С. Другие разбирательства

53. 30 августа 2004 года Жовтневый районный суд принял решение в пользу заявителя и обязал государство выплатить ему 8170,80 гривен в качестве компенсации материального вреда, 1000 гривен в качестве компенсации нематериального вреда и 1260 гривен в качестве компенсации расходов и издержек. Вред был нанесен заявителю в результате изъятия его личных вещей, включая ключи и деньги, во время его ареста 18 апреля 2000 года.

54. 2 ноября 2005 года Жовтневый районный суд снова принял решение в пользу заявителя и постановил выплатить ему 2676,03 гривен в качестве компенсации материального и нематериального вреда, а также расходов и издержек, в связи с незаконным изъятием двух камер в ходе уголовного разбирательства в отношении заявителя.

55. По словам заявителя, эти решения были исполнены в полном объеме.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года

56. Согласно соответствующим положениям действовавшего в то время Кодекса (статьи 383 и 394), кассационные жалобы на решения апелляционного суда, принятые в апелляционном порядке, должны были рассматриваться судом кассационной инстанции в составе трех судей с участием прокурора. Суд мог либо назначить дело к рассмотрению, либо отклонить кассационную жалобу.

57. В соответствии с поправками от 12 января 2006, положение, касающееся обязательного участия прокурора в предварительных слушаниях в суде кассационной инстанции, было отменено.

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель жаловался, в рамках статей 3 и 13 Конвенции, на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, неспособность национальных властей расследовать его жалобы, а также отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в этой связи.

59. Заявитель сослался на статьи 3 и 13 Конвенции, которые гласят:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Приемлемость

60. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

B. Существо дела

1. Заявленное жестокое обращение со стороны сотрудников милиции

61. Правительство указало, что утверждения заявителя о жестоком обращении 18 и 26 апреля 2000 года были тщательно проверены, как в ходе предварительного следствия, так и в рамках отдельного дела, возбужденного по жалобам заявителя. Судебно-медицинская экспертиза установила, что заявитель получил легкие телесные повреждения, потому что он оказал сопротивление сотрудникам милиции, в результате чего им пришлось применить некоторую силу для того, чтобы его арестовать. Более того, до ареста заявителя, его ударил С., и он упал на металлический забор. Эти выводы были

проверены и поддержаны национальными судами. Таким образом, Правительство заявило, что заявитель не подвергался жестокому обращению в отделении милиции.

62. Заявитель утверждал, что выводы Правительства, что он получил травмы при сопротивлении милиции и вследствие удара С., основаны на несовместимых свидетельствах. Он также выразил убеждение, что полученные им телесные повреждения были гораздо более серьезными, чем заключили эксперты, так как эксперты не обследовали его, а лишь изучили медицинские документы, составленные на основании различных свидетельств – таких как рентгеновский снимок ребер заявителя, который был утерян сотрудниками милиции.

63. Как Суд неоднократно заявлял, статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Она запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств или поведения потерпевшего (см., среди прочего, *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV).

64. Суд осознает свою вспомогательную роль и признает, что должен соблюдать осторожность, принимая на себя роль суда первой инстанции, если это не неизбежно в обстоятельствах конкретного дела (см., например, *McKerr v. the United Kingdom* (dec.), no. 28883/95, 4 April 2000). Тем не менее, при наличии жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции, Суд должен быть особо внимательным – даже если какие-либо внутренние разбирательства и расследования уже имели место (см., *mutatis mutandis*, *Ribitsch v. Austria*, judgment of 4 December 1995, § 32, Series A no. 336, and *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 283, ECHR 2001-VII (extracts)).

65. Кроме того, Суд повторяет, что при оценке доказательств он обычно применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 161, Series A no. 25). Однако такие доказательства могут вытекать из сосуществования достаточно сильных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта.

66. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель утверждал, что 18 и 26 апреля 2000 года его избивали и пытали электрическим током. Хотя нет никаких медицинских доказательств в поддержку утверждений заявителя о том, что к нему применялся электрический ток, и что два его ребра были сломаны 18 апреля 2000 года, стороны соглашаются, и это подтверждается имеющимися данными (см. пункты 16-19 и 35), что заявитель получил ряд повреждений. Суд считает, что эти повреждения были достаточно серьезными, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции. Остается рассмотреть вопрос, должны ли государственные органы

нести ответственность, в соответствии со статьей 3, за нанесение этих повреждений.

67. Суд отмечает, что объяснения сторон относительно происхождения травм заявителя отличаются. Их версии событий основываются исключительно на противоречивых заявлениях участников инцидента (сотрудников милиции, С. Ф.) и очевидцев (прохожих Б. и Бо., и знакомых заявителя Ш., В. и Ши.). Кроме того, согласно заключению судебно-медицинских экспертов от 12 июля 2002 года, заявитель мог получить эти повреждения как при обстоятельствах, описанных сотрудниками милиции, так и при обстоятельствах, описанных заявителем. Медицинские свидетельства о заболевании почек заявителя также противоречивы (см. пункты 34-35). 6 мая 2008 года национальный суд отметил, что в имеющихся свидетельствах имеются несоответствия, и что следствие не прояснило эту ситуацию.

68. Суд повторяет, что в случаях, когда у человека, бывшего на момент задержания полицией в добром здравии, обнаруживаются повреждения в момент его освобождения, государство обязано представить правдоподобное объяснение причин этих повреждений, в противном случае возникает очевидный вопрос по статье 3 Конвенции (см. *Tomasi v. France*, judgment of 27 August 1992, §§ 108-111, Series A no. 241-A, p. 4-41, и *Ribitsch*, упомянутое выше, § 34, p. 26). Более того, если национальные власти не провели медицинское обследование перед помещением заявителя под стражу, Правительство не может ссылаться на этот факт в свою защиту и утверждать, что данные повреждения были получены до содержания заявителя под стражей в полицейском участке (см. *Türkan v. Turkey*, no. 33086/04, § 43, 18 September 2008).

69. В этой связи Суд отмечает, что свидетельства, полученные в результате проведения судебно-медицинских экспертиз, играют решающую роль во время расследований в отношении задержанных, а также в случаях, когда последние жалуются на жестокое обращение. На этом фоне, одна из задач Суда состоит в том, чтобы определить, обеспечили ли национальные власти эффективное функционирование системы медицинского осмотра лиц, задержанных полицией (см., *mutatis mutandis*, *Salmanoğlu and Polattaş v. Turkey*, no. 15828/03, § 79, 17 March 2009).

70. В данном случае непосредственно после ареста заявителя не было проведено медицинское обследование, которое могло бы подтвердить, что все травмы были нанесены заявителю в момент его ареста (см., *Türkan v. Turkey*, упомянутое выше, §§ 41-42). Медицинское обследование, а также право на доступ к адвокату и право информировать третью сторону о задержании, являются основными гарантиями против жестокого обращения с задержанными,

которые должны применяться с самого начала лишения свободы, независимо от того, как это описано в соответствующем законодательстве (задержание, арест и т.д.) (см. второй Общий доклад Европейского комитета по предупреждению пыток, СРТ/Inf/E (2002) 1 - Rev. 2006, § 36). Это не только обеспечит соблюдение прав заявителя, но также позволит государству-ответчику выполнить свое обязательство представить правдоподобное объяснение таких травм.

71. Далее, Суд отмечает, что у заявителя имелись многочисленные ушибы на груди, спине и бедрах. Кроме того, он страдал различными посттравматическими расстройствами, такими как головные боли и трудности с мочеиспусканием и дыханием. Хотя судебно-медицинская экспертиза от 12 июля 2002 отметила, что лабораторные исследования не подтвердили контузию почек, другие медицинские заключения показывают, что заявитель периодически страдал гематурией по крайней мере до конца 2000 года (см. пункты 22-25, 34), а не в течение 5-7 дней, как указано в медицинском заключении от 12 июля 2002 года.

72. По мнению Суда, Правительство не дало убедительных объяснений по поводу конкретных обстоятельств ареста заявителя, которые обусловили необходимость применения «боевых приемов» с такими последствиями для заявителя. Наконец, офицер П. показал, что он видел, что заявитель лежал на полу в отделении милиции. В этой связи возникает вопрос, был ли заявитель избит там, как он утверждает, или его состояние являлось следствием его ареста, для чего потребовалось бы медицинское обследование, которое не было проведено.

73. Все вышесказанное является достаточным для Суда, чтобы предположить, что травмы были нанесены заявителю не только в момент его ареста. Более того, полученные травмы, по мнению Суда, достаточно серьезны, чтобы не рассматривать их как бесчеловечное обращение. В частности, Суд повторяет, что определенные действия, которые были классифицированы ранее как «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение», в отличие от «пыток», можно классифицировать по-другому в будущем. Он считает, что высокие стандарты, которых необходимо придерживаться в сфере защиты прав человека и основных свобод, соответственно и неизбежно требуют большей твердости при оценке нарушений фундаментальных ценностей демократического общества (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 101, ECHR 1999-V). Суд считает, что вред, нанесенный заявителю, был достаточно серьезным, чтобы представлять собой пытку по смыслу статьи 3 Конвенции.

74. Суд пришел к выводу, что имело место нарушение основного аспекта статьи 3 Конвенции.

2. Эффективность расследования

75. Правительство утверждало, что органы, проводившие расследование, не использовали все возможные средства для установления истины по делу заявителя. Правительство утверждало, что расследование жалобы заявителя было эффективным, и тот факт, что заявитель не использовал некоторые средства правовой защиты, не означает, что общее расследование было неэффективным.

76. Заявитель подтвердил свои предыдущие утверждения, что расследование его жалоб было длительным и малоэффективным.

77. Суд повторяет, что, когда лицо подает обоснованную жалобу, что оно подверглось серьезному жестокому обращению со стороны государственных органов в нарушение статьи 3, это положение, в сочетании с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции, косвенно требует проведения эффективного официального расследования. Так же, как и расследование в рамках положений статьи 2 Конвенции, такое расследование должно быть способным привести к установлению и наказанию виновных. В противном случае, общий правовой запрет пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания будет, несмотря на его огромное значение, неэффективным на практике, и сотрудники государственных органов смогут, в некоторых случаях, нарушать права лиц, находящихся под их контролем, фактически оставаясь безнаказанными (см. *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 102, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII, p. 3290, и *Labita*, упомянутое выше, § 131).

78. Расследование спорных утверждений о жестоком обращении должно быть очень тщательным. Это означает, что власти всегда должны серьезно пытаться выяснить, что произошло, а не полагаться на поспешные или плохо обоснованные выводы для того, чтобы прекратить расследование, или в качестве основания для своего решения (см. *Assenov and Others*, упомянутое выше, §§ 103 и далее). Государство должно принять все доступные ему разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, среди прочего, свидетельства очевидцев и вещественные доказательства (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, §§ 104 et seq., ECHR 1999-IV, and *Gül v. Turkey*, no. 22676/93, § 89, 14 December 2000).

79. Суд отмечает, что расследование жалоб заявителя длилось более восьми лет. В течение этого периода национальные власти семь раз отказывали в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителя. Все эти отказы были отменены вышестоящими прокурорами или судами, которые возвращали дело обратно, указывая на несоответствия в расследовании, пока в 2005 году, более чем через пять лет после инцидента, уголовное дело в отношении сотрудников милиции не было, наконец, возбуждено.

80. Кроме того, Суд отмечает, что после возбуждения уголовного дела, оно трижды прекращалось. Эти решения впоследствии отменялись, но все же в 2008 году национальные суды оставили в силе последнее решение о прекращении уголовного дела, не прояснив явные несоответствия в имеющихся фактических данных.

81. Суд отмечает, что неспособность прояснить существующие несоответствия (заявитель и некоторые свидетели настаивали на одной версии событий, в то время как сотрудники милиции и другие свидетели дали отличные показания) была вызвана тем, что следственные органы не допросили всех свидетелей и всех участников инцидента при первой же возможности, после того, как заявитель подал жалобу на жестокое обращение. В частности, из первого решения от 10 мая 2000 об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции очевидно, что никто, кроме заявителя и С., не был допрошен. Сотрудники милиции, участвовавшие в инциденте, были допрошены только через год после событий. Некоторые ключевые свидетели были допрошены намного позже, а очные ставки между ними и сотрудниками милиции были проведены еще позже или вообще не проводились. Аналогично, утверждения заявителя о том, что он подвергался жестокому обращению в милиции, не проверялись в течение длительного времени. На раннем этапе расследования власти сосредоточили свое внимание только на доказательствах, подтверждающих версию сотрудников милиции, что заявитель получил травмы в момент его ареста.

82. Суд отмечает, что на протяжении всего расследования национальные власти, в том числе суды, указывали на эти недостатки. Тем не менее, представляется, что эти недостатки не были должным образом исправлены. Более того, из имеющихся материалов можно сделать вывод, что с течением времени становилось все труднее собрать необходимые доказательства для того, чтобы исправить недостатки следствия; так, например, некоторые свидетели переехали из города. Существует также опасность, что через восемь лет после рассматриваемых событий свидетелям было бы довольно сложно правильно вспомнить эти события.

83. В таких обстоятельствах, учитывая продолжительность расследования жалоб заявителя, непроведение важных следственных действий на ранних стадиях расследования и стойкую неспособность национальных властей исправить выявленные недостатки, Суд приходит к выводу, что в данном случае имело место нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

84. Кроме того, Суд считает, что нет необходимости рассматривать отдельные вопросы в рамках статьи 13 Конвенции (см. *Timur v. Turkey*, no. 29100/03, §§ 35-40, 26 June 2007).

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель жаловался, что Верховный Суд Украины рассмотрел его дело в отсутствие его и его адвоката. Он сослался на статью 6 § 1 Конвенции, которая гласит:

«Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...»

A. Приемлемость

86. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

87. Правительство указало, что законодательство, действовавшее во время рассмотрения дела, не предусматривало участия осужденного и его адвоката в соответствующем судебном заседании. Правительство считает, что ситуация с разрешением на обжалование в данном случае была аналогична ситуации в гражданском деле *Stepenska v. Ukraine* (реш., по. 24079/02, 12 June 2006), в котором Суд установил, что отсутствие устного заслушивания перед комиссией было оправдано. Правительство также отметило, что разбирательство, касающееся только вопросов права, в отличие от вопросов факта, может соответствовать требованиям статьи 6, даже если заявителю не была предоставлена возможность быть заслушанным лично апелляционным или кассационным судом, при условии, что он был заслушан судом первой инстанции. В данном случае заявитель присутствовал на судебных слушаниях и в судах первой инстанции, и в апелляционных судах. Таким образом, рассмотрение жалобы заявителя Верховным Судом соответствовало требованиям статьи 6 § 1 Конвенции.

88. Заявитель подтвердил свои предыдущие утверждения, что в его деле был нарушен принцип равенства сторон.

89. Суд повторяет, что производство, связанное с разрешением на обжалование в кассационном порядке и касающееся исключительно вопросов права, в отличие от вопросов факта, может соответствовать требованиям статьи 6, даже если заявителю не была предоставлена возможность быть заслушанным лично в апелляционном или кассационном суде при условии, что общественные слушания были проведены в суде первой инстанции, и суды высшей инстанции не ставят задачу установления фактов по делу, а должны лишь

интерпретировать соответствующие правовые нормы (см., например, *Hermi v. Italy* [GC], no. 18114/02, § 61, ECHR 2006-XII, с дальнейшими ссылками).

90. Суд, однако, отмечает, что хотя в данном случае разбирательство касалось разрешения на обжалование в кассационном порядке и было ограничено вопросами права, закон требовал присутствия прокурора на предварительном слушании в Верховном Суде, и он делал устные заявления перед комиссией, таким образом, активно участвуя в процессе, в то время как заявитель был лишен этой возможности.

91. При таких обстоятельствах, Суд считает, что принцип равенства сторон был нарушен.

92. Суд ранее установил нарушение в аналогичном деле против Украины (см. *Zhuk v. Ukraine*, no. 45783/05, §§ 29-35, 21 October 2010), и не видит никаких оснований прийти к другим выводам в настоящем деле. Соответственно, имело место также нарушение статьи 6 § 1 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель также подал жалобы, в рамках статей 5 и 6 Конвенции, в отношении его ареста и содержания под стражей, а также уголовного разбирательства против него. Он также жаловался на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, в связи с тем, что его личные вещи (три единицы огнестрельного оружия) было изъяты у него милицией и не были возвращены.

94. Суд, внимательно рассмотрев жалобы заявителя в свете имеющихся в его распоряжении материалов, и в той мере, в которой данные вопросы находятся в его компетенции, не обнаружил никаких подтверждений нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией.

95. Следовательно, эта часть жалобы должна быть объявлена неприемлемой как явно необоснованная, в соответствии со статьей 35 §§ 3 (а) и 4 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

96. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд решает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

97. Заявитель потребовал выплатить ему 250000 евро в качестве компенсации материального вреда в связи с потерей заработной платы, вызванной тем, что заявитель не мог продолжать работать моряком вследствие полученных травм, и 150000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

98. Правительство отметило, что претензии относительно заработной платы заявителя носят гипотетический характер, а его требования в отношении компенсации нематериального вреда являются чрезмерными.

99. Суд не усматривает никакой причинно-следственной связи между нарушением и материальным вредом и отклоняет это требование. С другой стороны, Суд присуждает заявителю 20000 евро в качестве возмещения нематериального вреда.

B. Расходы и издержки

100. Заявитель также потребовал выплатить ему 1386 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им в национальных судах и в Суде, в том числе: 5600 гривен¹, выплаченные им своему адвокату за правовые услуги в связи с разбирательством в отношении жалоб заявителя на жестокое обращение; 7200 гривен² за юридическое представительство в Суде; и 130 евро почтовых расходов.

101. Правительство утверждало, что требования заявителя о компенсации расходов и издержек, понесенных в национальных судах, должны быть отклонены. Правительство также отметило, что заявитель представил только краткую сводку правовых услуг, оказанных адвокатом, подписанную адвокатом и заявителем, но не представил копию контракта с адвокатом, а также копии

1 Около 544 евро

2 Около 700 евро

соответствующих счетов. Заявитель также не представил все счета в обоснование своих почтовых расходов.

102. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение издержек и расходов только в той степени, в какой доказано, что они фактически были понесены, были обязательными и разумными. В данном случае, основываясь на имеющихся в его распоряжении документах и упомянутых критериях, Суд считает разумным присудить заявителю сумму 1000 евро в качестве компенсации всех расходов и издержек.

С. Пеня

103. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы по статьям 3 и 13 Конвенции и статье 6 § 1 Конвенции в отношении слушания по уголовному делу заявителя в Верховном Суде Украины приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее основном аспекте;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процедурном аспекте;
4. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 6 § 1 Конвенции;
6. *Постановляет*:
 - (а) государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 20000 (двадцать тысяч) евро в качестве компенсации нематериального вреда и 1000 (одну тысячу) евро в качестве компенсации расходов и издержек, в переводе в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты;

(b) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная граничной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период, плюс три процентных пункта;

7. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 21 июля 2011 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудиа Веястердийк
Секретарь

Дин Шпильманн
Председатель

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и Правилom 74 § 2 Регламента Суда, в приложении к настоящему решению приводится особое мнение судей Жупанчича, Берро-Лефевр и Юдкивской.

Д.Ш.
К.В.

ОБЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ЖУПАНЧИЧА, БЕРРО-ЛЕФЕВР И ЮДКИВСКОЙ

1. Мы согласны с результатом данного рассмотрения, но позволим себе не согласиться по одному вопросу, который касается различия между пытками в строгом смысле этого слова, с одной стороны, и понятием бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, с другой. Мы также объясним, почему не ясно, в данном конкретном случае, действительно ли последствия для заявителя, включая периодическую гематурию, возникли в результате действий государства-ответчика.

2. В первую очередь, следует отметить, что настоящее дело отличается от ситуации, «когда у человека, бывшего на момент задержания полицией в добром здравии, обнаруживаются повреждения в момент его освобождения», что влечет за собой «обязанность государства представить правдоподобное объяснение причин этих повреждений»¹. Обычно Суд различает случаи, когда заявитель был доставлен в полицию в добром здравии, и случаи, когда это не так очевидно, поскольку заявители были задержаны, например, после драки с жертвами или третьими лицами².

3. Заявитель по настоящему делу был арестован на улице сразу же после драки с неким г-ном С. Чрезвычайно важно, что заявитель не оспаривал того, что он был избит С., упал на металлический забор и, таким образом, получил травмы. Эти обстоятельства говорят не в его пользу, так же как и его попытка к бегству. Поэтому мы не можем без сомнения утверждать, что заявитель находился в добром здравии на момент задержания милицией.

4. Тем не менее, мы разделяем мнение большинства, что, не проведя медицинского обследования заявителя перед заключением его под стражу, чтобы, таким образом, подтвердить, что он получил травмы во время ареста, а не после него, власти не «выполнили свое обязательство представить правдоподобное объяснение причин этих повреждений» (пункт 70). В самом деле, как подчеркивает КПП, медицинский осмотр непосредственно после ареста является одной из основных гарантий против жестокого обращения, которая имеет решающее значение особенно в таких странах, как Украина, где жестокое обращение во время содержания под стражей остается серьезной местной проблемой.

5. Тем не менее, мы не можем согласиться с выводом в пункте 73 решения, что рассматриваемое обращение выходит за рамки

1. См., среди прочего, *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V

2. См. *Assenov and Others v. Bulgaria*, judgment of 28 October 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII, or *Kobets v. Ukraine*, no. 16437/04, 14 February 2008

бесчеловечного обращения и представляет собой *пытку* в смысле статьи 3 Конвенции.

6. Как видно из судебного решения, повреждения, полученные заявителем, включали гематурию, обширную гематому на груди, многочисленные ушибы на правой стороне груди и спины, правом бедре и левом плече, а также небольшие царапины на запястьях. Не пытаясь недооценить или приуменьшить страдания заявителя, мы все-таки выступаем против *инфляции* понятия «пытка», которое определяется, в соответствии с делом *Ireland v. the United Kingdom*, как «преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее очень тяжелые и жестокие страдания» и которое «особо строго осуждается»¹.

7. Следует понимать, что в деле *Selmouni v. France* Суд ввел очень краткое и сложное определение пыток, используя формулировку статьи 1 Конвенции ООН против пыток (далее - «Конвенция ООН»)². До *Selmouni v. France* Европейский суд по правам человека не имел собственного определения пытки, и не проводил четкого различия между пытками в смысле статьи 3 Конвенции и другими формами бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

8. Статья 3 Европейской конвенции по правам человека, озаглавленная «Запрещение пыток», формулируется следующим образом: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Текст Европейской конвенции по правам человека, таким образом, не проводит различия между пытками и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием. Как уже отмечалось выше, различие между этими двумя понятиями было

1. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 167, Series A no. 25

2. UN General Assembly, Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, 10 December 1984, United Nations, Treaty Series, vol. 1465, p. 85, <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6b3a94.html> Part I, Article 1:

1. Для целей настоящей Конвенции определение «пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

2. Эта статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству, которое содержит или может содержать положения о более широком применении.

введено в деле *Selmouni* со ссылкой на статью 1 Конвенции ООН. Статья 1 гласит, что для того, чтобы считаться пыткой, страдания или боль, физические или нравственные, должны быть *тяжелыми*.

9. Определение Конвенции ООН также требует, чтобы такая сильная боль или страдания причинялись к лицу с прямым умыслом и, кроме того, со специальным намерением (*dolus specialis*), чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера. Кроме того, такие пытки должны применяться государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В этой связи, мы говорим о *delictum proprium*, то есть пытки должны применяться, проще говоря, агентом государства.

10. С другой стороны, статья 1 Конвенции ООН *in fine* предусматривает, что боль или страдание, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно, не квалифицируются как пытка. Если человек сопротивляется аресту и тем самым делает применение физической силы необходимым для осуществления ареста, повреждения, полученные во время этого конфликта, нельзя квалифицировать как пытки, хотя во всех других отношениях, за исключением *dolus specialis*, они соответствуют приведенному выше определению. Например, в деле *Rehbock v. Slovenia*¹ рассматривался вопрос, требовало ли физическое сопротивление бодибилдера применения физической силы, то есть, была ли она неотделима от законной санкции, состоящей в его аресте.

11. В данном деле, вопрос, по которому мы расходимся с большинством, касается, как мы уже указывали выше, различия между пытками, в соответствии с приведенными здесь определениями и объяснениями, с одной стороны, и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием, с другой стороны. С учетом применения определения статьи 1 Конвенции ООН в деле *Selmouni v. France*, следует помнить, что Европейский суд по правам человека не только решил придерживаться этого определения пытки, но также должен придерживаться связанных с ним различий между пытками в строгом смысле слова, с одной стороны, и бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием, с другой стороны.

1. *Rehbock v. Slovenia*, no. 29462/95, ECHR 2000-XII

12. В этом отношении, интересно отметить, что в тексте Конвенции ООН практически не упоминаются «*другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания*».

13. Термин «*жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания*» появляется лишь в статье 16 Конвенции ООН, в ее втором пункте, где этот международный документ оговаривает, что Конвенция ООН не должна наносить ущерба какому-либо международному договору или национальному законодательству, которые запрещают «*жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания*» или которые касаются выдачи или высылки.

14. Таким образом, по логике Конвенции ООН, «*жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием*» является все, меньшее, чем пытки в строгом смысле этого слова.

15. Здесь мы наблюдаем, что критерии, изложенные в статье 1 Конвенции ООН со ссылками на *dolus specialis* и *delictum proprium*, являются дискретными (да или нет, *aut-aut*), что означает, что предпосылки для характеристики поведения агента государства либо существуют, либо нет.

16. Единственный недискретный элемент преступления пытки – это *боль* или *страдания*, которые должны быть тяжелыми. Из этого должно логически вытекать, что «*жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание*» есть все, что не подпадает под категорию пыток в силу требуемой *тяжести боли или страданий*, будь то *физических* или *нравственных*. Иначе говоря, если боль или страдания, физические или нравственные, недостаточно тяжелые, мы говорим – при прочих равных предпосылках – о бесчеловечном или унижающем достоинство обращении.

17. В данном случае не только сомнительно то, что последствия действительно стали результатом жестокого обращения со стороны представителей государства, но и, по нашему мнению, тяжесть боли и страданий не была должным образом определена.